

ПЕРЕВОДЫ

УДК 81'33

DOI: 10.18500/2311-0740-2017-1-15-37-50

Берт Питерс
Канберра, Австралия

Bert Peeters
Canberra, Australia

**ПРИКЛАДНАЯ ЭТНОЛИНГВИСТИКА – это
лингвокультурология, но
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ ли?**

**APPLIED ETHNOLINGUISTICS Is Cultural
Linguistics, but Is it CULTURAL LINGUISTICS?**

В последние годы использование термина «лингвокультурология» неуклонно растет; он служит либо для обозначения широкого научного направления, которое я предлагаю называть лингвокультурологией (строчными буквами), либо для обозначения более узкой области исследований в рамках данного направления, которую я предлагаю называть ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ (малыми прописными). Последняя появилась на свет в 1996 году, но стала более известной после того, как Фарзад Шарифиан (*Farzad Sharifian*) подвел под нее современную междисциплинарную основу, заменив термин *imagery* (образность) Гэри Палмера (*Gary Palmer*) более подходящим. Культурные концептуализации / концептуализации культурных смыслов – это инструменты, которые использует ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ для изучения различных аспектов культурного познания и его объективации в языке; к ним следует отнести культурные категории, культурные метафоры, культурные схемы и культурные модели. Примеры каждого типа существуют во всех языках мира. Однако странно, что в ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ термин культурная ценность (*cultural value*) используется довольно редко, и при этом не в узком специальном значении. Возникает вопрос: существует ли связь между ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЕЙ, с одной стороны, и ПРИКЛАДНОЙ ЭТНОЛИНГВИСТИКОЙ – с другой. Недавний побочный продукт теории естественного семантического метаязыка, ПРИКЛАДНАЯ ЭТНОЛИНГВИСТИКА (лишь одна из форм прикладной этнолингвистики) развивалась вне связи как с ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЕЙ, так и с лингвокультурологией, широко используя при этом термин культурная ценность и рассматривая его как фундаментальное понятие для научных исследований. Более глубокое изучение вопроса позволяет увидеть, что так же, как и ПРИКЛАДНАЯ ЭТНОЛИНГВИСТИКА, ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ признает важность культурных ценностей: похоже, что более тщательное исследование культурно-специфических категорий, метафор, схем и моделей может привести к более точному пониманию культурных ценностей, существующих в определенной лингвокультуре. Вместе с тем перспектива постепенного слияния

Recent years have witnessed a steady increase in occurrences of the label cultural linguistics, used to refer either to a broad field of scientific endeavor – which I suggest to call cultural linguistics (in lowercase) – or to a more narrowly defined framework within that field – which I suggest to call CULTURAL LINGUISTICS (in small capitals). The latter saw the light of day in 1996 but has become better known since Farzad Sharifian provided it with its current interdisciplinary base, replacing Gary Palmer's term *imagery* with a more fitting alternative. Cultural conceptualizations are the tools CULTURAL LINGUISTICS uses to study aspects of cultural cognition and its instantiation in language; they include cultural categories, cultural metaphors, cultural schemas, and cultural models. Instances of these exist in all the languages of the world. Oddly enough, in CULTURAL LINGUISTICS, the term cultural value appears to be used rather sparingly, and not at all in a technical sense. This raises the question of whether any bridges can be built between CULTURAL LINGUISTICS, on the one hand, and APPLIED ETHNOLINGUISTICS, on the other. A recent by-product of the natural semantic metalanguage approach, APPLIED ETHNOLINGUISTICS (which is but one form of applied ethnolinguistics) was developed without reference to either CULTURAL LINGUISTICS or cultural linguistics and makes prolific use of the term cultural value, which it sees as absolutely fundamental to its endeavors. Close scrutiny reveals that, like APPLIED ETHNOLINGUISTICS, CULTURAL LINGUISTICS does acknowledge the importance of cultural values: it appears that detailed study of culturally specific categories, metaphors, schemas, and models may lead to a more precise understanding of the cultural values upheld in particular language communities. Nonetheless, there seems to be little prospect for an eventual amalgamation of the two frameworks. Rather, it is argued that APPLIED ETHNOLINGUISTICS is part of the broad field of cultural linguistics (lowercase), where, together with CULTURAL LINGUISTICS (small capitals), it is able to provide a useful methodology for the study of language and cultural values.

двух рассматриваемых научных подходов маловероятна. Скорее можно утверждать, что ПРИКЛАДНАЯ ЭТНОЛИНГВИСТИКА является частью более широкого направления – лингвокультурологии (строчными), в рамках которого вместе с ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЕЙ (малыми прописными) способна обеспечить необходимую методологию для изучения языка и культурных ценностей.

Ключевые слова: лингвокультурология, ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ, ПРИКЛАДНАЯ ЭТНОЛИНГВИСТИКА, культурная (-ые) концептуализация (-ии), культурные ценности.

Оригинал: Peeters Bert. APPLIED ETHNOLINGUISTICS Is Cultural Linguistics, but Is it CULTURAL LINGUISTICS? *International Journal of Language and Culture*, 3 (2), 2016, pp. 137–160.

Сведения об авторе: Питерс Берт, доктор филологии, профессор отделения европейских языков и культур.

Место работы: Австралийский национальный университет, Канберра, Австралия.

E-mail: bert.peeters@mq.edu.au

Key words: cultural linguistics, CULTURAL LINGUISTICS, APPLIED ETHNOLINGUISTICS, cultural conceptualization(s), cultural values.

About the author: Peeters Bert, Associate Professor, Associate Professor French and Francophone Studies *European Languages and Cultures*.

Place of employment: The Australian National University (ANU), Canberra, Australia.

E-mail: bert.peeters@mq.edu.au

1. Не вся лингвокультурология есть ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Утверждение, что «современная Когнитивная Лингвистика выросла из полемической оппозиции лингвистике Хомского», вряд ли вызовет удивление. Я высказал его пятнадцать лет назад [1 : 85], используя слова («полемическая оппозиция лингвистике Хомского»), которые не были моими – и заглавные буквы («Когнитивная Лингвистика»), которые, определено, были моими. По какой-то причине формулировка Джона Р. Тейлора, использованная им в одной из статей [2] сборника, который я рецензировал для журнала «Word» («Слово») [3], врезалась мне в память¹. Я объединил ее с собственным решением, с которым редакторы сборника, в котором публиковалась моя собственная статья, согласились очень неохотно, назвать «Когнитивной Лингвистикой» то, что Тейлор и многие другие называли «когнитивной лингвистикой». Я был убежден, что следует различать Когнитивную Лингвистику (заглавные буквы), то есть теорию, основанную на работах Рональда В. Лангакера и Джорджа Лакоффа, и когнитивную лингвистику (строчные буквы), которая охватывает гораздо более широкий круг явлений и включает теорию, в своей основе диаметрально противоположную идеям Лангакера и Лакоффа. Сам Хомский относил свою

теорию к когнитивной лингвистике, хотя долгое время и не использовал этот термин [5 : 6]. Как я указывал в [1 : 84]:

Генеративисты неоднократно высказывали свое раздражение по поводу, с их точки зрения, «неправильного использования» термина Когнитивными Лингвистами. Сферы их исследовательских интересов, так же как и интересов многих других, имеют одинаковое право обозначаться термином *когнитивная лингвистика*. Это право, на которое в существующей ситуации им будет все труднее и труднее претендовать.

Я рад, что мое предложение различать Когнитивную Лингвистику и когнитивную лингвистику было услышано. Сейчас все согласны с тем, что использование одного и того же названия как для широкого научного направления, так и для более узкой теории в его *границах*, может быть, по крайней мере, потенциально, ошибочным².

Как все вышеизложенное связано с темой *лингвокультурологии*? Ответ заключается в следующем: за несколько лет до того, как я предложил использовать (в определенных случаях) заглавные буквы, Лангакер [10 : 31] следующим образом сформулировал важность *культуры* для языка:

Современная лингвистическая теория – особенно генеративная теория – ... минимизирует (если не полностью игнорирует) статус языка как части культуры.

¹Точная цитата из Taylor [2 : 205] выглядит так: «Тезис о произвольности синтаксиса находится, конечно, в полемической оппозиции к некоторым главным положениям лингвистики Хомского, так же как к пост-блумфильдскому структурализму, из которого развилась лингвистика Хомского». Почти в той же форме данное высказывание опубликовано в более поздней редакции статьи в [4 : 42].

²Предложенное мной в [1] различие в номинации было использовано другими авторами [6 : 5; 7 : 3] и, в конце концов, было принято, по крайней мере, в двух справочных изданиях: в *Oxford Handbook of Cognitive Linguistics* [8] и в *Bloomsbury Companion to Cognitive Linguistics* [9].

В основном структура языка рассматривается как врожденная и модульная, и лишь незначительная ее часть подвержена культурному воздействию и является приобретенной. Однако появление *когнитивной лингвистики* может рассматриваться как возврат к *лингвокультурологии*.

Этот фрагмент был не о когнитивной лингвистике (широком научном направлении, возможно включающем и лингвистику Хомского), а о Когнитивной Лингвистике, или, скорее, о КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ (одном из ряда когнитивно-ориентированных подходов в рамках более широкого направления когнитивной лингвистики)³. С другой стороны, он был о лингвокультурологии, а не о ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ, которая в то время еще не появилась. Если не считать книги *Linguistika Kulturowa* [11], написанной на польском языке и, следовательно, недоступной на английском (подробнее об этом и ряд переведенных цитат можно найти в [12]), ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ появилась на свет два года спустя с публикацией работы Палмера [13]⁴.

Стремясь проследить истоки термина *лингвокультурология*, ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГ Фарзад Шарифиан (Farzad Sharifian) неоднократно ссылается на Лангакера [10 : 31]. Например, в написанной им части монументального справочника *Handbook of Language and Culture*, который он редактировал в 2015 году, Шарифиан [16 : 473] пишет:

Термин «Лингвокультурология» был впервые использован одним из основателей когнитивной лингвистики как научного направления Роналдом Лангакером в тезисе, подчеркивающем связь между культурным знанием и грамматикой. Он утверждает, что «появление когнитивной лингвистики можно считать возвращением к *лингвокультурологии* (...)» ([10 : 31], курсив оригинала сохранен. – Б. П.).

Как показывает приведенная выше цитата, Шарифиан не среди тех, кто систематически обращается к Когнитивной Лингвистике (заглавные буквы), но он называет свое направление Лингвокультурологией, тем самым предоставляя возможность тем, кто серьезно относится к культуре, но не хочет – по какой-либо причине – ассоциироваться исключительно с Лингвокультурологией, назвать свое направление лингвокультурологией [17 : 99–100]. Именно так и должно быть – за тем исключением, что надо различать, а в этой

работе я и буду различать, ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЮ, узкое научное направление (малыми прописными), и лингвокультурологию, более широкое научное направление (строчными). В [18 : 1–2] последнее описывается как «общее направление научных исследований, посвященных изучению взаимосвязи языка и культуры, возникновение которого датируется не позднее восемнадцатого века и восходит к трудам такого известного ученого, как Вильгельм фон Гумбольдт (1767–1835), а позже к работам Франца Боаса (1858–1942), Эдварда Сепира (1884–1939) и Бенджамина Уорфа (1897–1941)».

2. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ: *Om* образности к (культурным) концептуализациям

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ, как указывает Шарифиан [18 : 2], «довольно новая сфера междисциплинарного исследования, изучающая взаимосвязь языка и концептуализаций, которые являются конструктами культуры и объективируются в том или ином языке и его разновидностях». В своей книге Гэри Палмер понимает это как взаимодействие КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ и «трех традиционных подходов, которые являются главными для лингвистической антропологии: лингвистики Боаса, этносемантики (этнонауки) и этнографии речи» [13 : 5], но именно Фарзад Шарифиан, благодаря образованию и научным интересам в области антропологии, когнитивистики и лингвистики, первым обеспечил ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЮ современной междисциплинарной основой. Тогда он еще не называл свои исследования ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЕЙ, используя эту номинацию для обсуждения работ Гэри Палмера. Однако все, что сделано Шарифианом в этой области, является несомненным вкладом в ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЮ. Были подготовлены все инструменты, не хватало только места для их хранения. Потребовалось несколько лет и пришлось дважды заезжать в Баннингс⁵, прежде чем специалист в области культуры Фарзад подобрал нужную оболочку для своего инструментария. С первым посещением магазина можно сравнить его инаугурационную профессорскую лекцию [19], в которой он остановился на таком же названии – *культурные*

³Предложение использовать начальные буквы в верхнем регистре (заглавные) как отличительную черту было шагом в правильном направлении, но было неверным шагом. Мои доводы о предпочтительном использовании малых прописных, а не начальных заглавных букв основаны, в частности, на том, что в немецкоговорящем мире название Когнитивная Лингвистика (*Kognitive Linguistik*) является общепринятым для существительных. Соответственно первоначальное предложение не могло систематически применяться в этом языке.

⁴Другой подход, называемый КУЛЬТУРНОЙ ЛИНГВИСТИКОЙ и тесно связанный с КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКОЙ (как у Палмера, см. ниже), – подход в [14]. Здесь дается ссылка на нескольких КОГНИТИВНЫХ ЛИНГВИСТОВ, но среди них нет ссылки ни на Лангакера, ни на Палмера. См. также [15].

⁵Bunnings – название крупнейшей австралийской сети хозяйственных магазинов.

концептуализации и язык, – что и у монографии [20], опубликованной в издательстве Джон Бенджаминс в том же году. Второй «поход в магазин» не заставил себя долго ждать: был выбран ящик для инструментов той же марки, что и у Гэри, вмещающий большинство надежных инструментов Гэри. Короче говоря, прошло совсем немного времени, прежде чем Шарифиан присвоил наименование лингвокультурология, применив его к собственным теоретическим положениям. Это решение облегчили Багашева [21] и Атанасиадоу [22]: оба автора в своей рецензии назвали работу [19] фундаментальной для вновь появившегося направления «Лингвокультурология».

Совершенствование инструментов Палмера до набора инструментов Шарифиана в чем-то напоминает совершенствование мировых компьютерных технологий. Скажем, усовершенствование Windows 8 до Windows 10. Вместе с тем было бы преувеличением утверждать, что мир с нетерпением ждал этого, по крайней мере, можно с определенной степенью уверенности сказать, что два набора мирно сосуществуют. Так же как и пользователи Windows, которые не перешли на новую программу, основатель компании Гэри легко пользуется ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЕЙ – эквивалентом Windows 8, в то время как его младший деловой партнер Фарзард располагает ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЕЙ – эквивалентом Windows 10. Некоторые инструменты отсутствуют в наборе Шарифиана. Один из них – термин *образность*, с самого начала используемый Палмером и унаследованный от Лангакера [12]⁶. В своих недавних публикациях Шарифиан [17 : 100; 16 : 474; 18 : 2–3] эксплицитно отрекся от инструмента Палмера и термина, который можно сравнить с молотком, которым пользуются одновременно и как отверткой. *Образность* выходит далеко за пределы визуального и обозначает любую форму культурно конструируемой концептуализации, именно поэтому Шарифиан и решает использовать свой собственный инструмент, инструмент, который возник давно, еще до появления целого набора инструментов, и который играл главную роль практически во всем, что Шарифиан опубликовал за последние пятнадцать лет, а именно *культурную концептуализацию*. Образность, с другой стороны, остается частью набора инструментов Палмера. В недавней публикации Палмера о его собственном вкладе в ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЮ [23 : 22] он разграничивает ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЮ и так

называемую «люблинскую школу этнолингвистики», основанную польским исследователем Ежи Бартминским (курсив наш. – Б. П.):

В основе люблинской школы этнолингвистики лежит гуманистический интерес к выявлению ценностей и пресуппозиций, имплицитно реализующихся в оценочных словах и фразах, используемых носителями языка. Цель лингвокультурологии, с моей точки зрения, более научна и объективна: определить, каким образом культурно-обусловленная и содержащая культурные ценности *образность* влияет на модели грамматических структур.

Чтобы исследовать аспекты культурного познания и его реализации в языках мира (и, следовательно, в языке как универсальном когнитивном феномене), ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ, в интерпретации Шарифиана, использует разнообразные аналитические инструменты, включая *культурные категории, культурные метафоры, культурные схемы и культурные модели*, при этом все эти инструменты – формы культурной концептуализации. Как большинство английских слов, заканчивающихся на *-ation*, слово *conceptualization* ‘концептуализация’ может обозначать как сам процесс, так и результат этого процесса, поэтому отдельные примеры категорий, метафор, схем и моделей представляют собой не только формы культурной концептуализации (единственное число), но также культурные концептуализации (множественное число) сами по себе. Довольно любопытно, что термин *культурная ценность*, расхожий в языке, которым пользуются практически для всех своих публикаций ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИ, то есть в английском языке, игнорируется. Вполне исчерпывающий анализ, охватывающий большинство публикаций Шарифиана (включая публикации до формирования набора инструментов), выявил не более пятнадцати примеров⁷. Более короткий термин *ценность* встречается чуть чаще, однако примеры использования сочетаний *моральная ценность / моральные ценности и социальная ценность / социальные ценности* немногочисленны и редки. Ценности обычно понимаются как принадлежащие «когнитивной системе» [24 : 121] или «системе ценностей» [25 : 174], с ключевыми ценностями, принадлежащими «системе ключевых ценностей» [25 : 418 = 20 : 197; 26 : 353]. С другой стороны, ценности часто упоминаются одновременно с другими аспектами культурного наследия: «убеждения и ценности» [27 : 191 = 20 : 6; 24 : 121], «ценности и убеждения» [28 : 815; 29 : 79], «убеждения, ценности и нормы» [24 :

⁶ Другой термин *сценарий*, о котором см. раздел 5 ниже.

⁷ И еще несколько примеров, если считать исправленное издание [19]. К ним можно отнести две отсылки к «культурным нормам и ценностям», другие две – к «социокультурным нормам и ценностям», и одну – к «ключевой ценности культуры». См. также примечание 13.

121], «нормы и ценности» [30 : 183 = 20 : 48; 31 : 252 = 20 : 27; 28 : 802, 829], «ценности и нормы» [28 : 829; 29 : 84], «ценности и принципы» [25 : 173], «правила, ценности и традиции» [18 : 6], «убеждения, нормы, обычаи, традиции и ценности» [32 : 34; 33 : 91] и, наконец, «убеждения, мировоззрение, обычаи, традиции, ценности и нормы» [19 : 3]. Глэз [12] также отмечает, что нигде не приводится определение термина *ценность*; это обоснованное, но не совсем надежное указание на то, что мы имеем дело не со специальным термином, входящим в набор инструментов. Отсюда возникает вопрос, можно ли каким-то образом связать ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЮ с одной стороны, и мое собственное направление, известное как ПРИКЛАДНАЯ ЭТНОЛИНГВИСТИКА – с другой.

3. ПРИКЛАДНАЯ ЭТНОЛИНГВИСТИКА и культурные ценности

Развивающаяся вне связи с ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЕЙ или лингвокультурологией, ПРИКЛАДНАЯ ЭТНОЛИНГВИСТИКА (одна из форм прикладной этнолингвистики) является побочным продуктом теории Естественного Семантического Метаязыка (ЕСМ) (Natural Semantic Metalanguage (NSM)), проиллюстрированной в многочисленных работах Анны Вежбицкой, Клиффа Годдарда и других (включая меня). Так же как и теория ЕСМ, на которой я подробнее остановлюсь ниже, ПРИКЛАДНАЯ ЭТНОЛИНГВИСТИКА широко пользуется термином *культурная ценность*, который является фундаментальным для данного направления. В этом смысле ПРИКЛАДНАЯ ЭТНОЛИНГВИСТИКА имеет много общего с КОГНИТИВНОЙ ЭТНОЛИНГВИСТИКОЙ Бартминского [34], см. также [11].

Мой интерес к культурным ценностям был вызван новаторским исследованием французской разговорной речи Беаля [35], опубликованным в журнале *Langue française* (выпуск 98, я был приглашенным редактором), а также обращением к проблеме культурных ценностей в «четырёх основных постулатах межкультурной коммуникации» Анны Вежбицкой [36 : 69]:

- (1) В разных обществах и языковых сообществах люди говорят по-разному.
- (2) Эти речевые различия глубокие и систематические.
- (3) Речевые различия отражают разные культурные ценности или, по крайней мере, разные иерархии ценностей.
- (4) Речевые различия, различия в коммуникативных стилях могут быть объяснены исходя из независимо установленных разных культурных ценностей и культурных приоритетов.

Я пришел к выводу, что только после погружения в иностранную культуру проявляются важные особенности своей собственной культуры, и самыми важными различиями становятся не различия в обычаях или традициях, формах искусства и т.д. Пожалуй, самые важные различия – это различия в культурных ценностях. Однако говорить о культурных ценностях – это одно, а дать им определение – совсем другое. Итак, что мы понимаем под культурными ценностями? Очевидно, что ответ зависит прежде всего от нашего определения понятия *value*. Во французской социологической традиции, например в [37], под ценностями понимают модели, идеалы, хранящиеся глубоко в сознании человека и управляющие поведением индивида. В отличие от мнений и поступков, которые являются поверхностными феноменами, ценности могут быть выделены только логическим путем, в результате анализа наблюдаемых явлений.

Ценности могут пересматриваться, меняться со временем, но они всегда будут существовать, чтобы вдохновлять нас на поступки и определять наше самосознание. В часто цитируемой формулировке американского философа Джона Дьюи (John Dewey) ценности – это «то, что нам дорого». На другом уровне ценности – общие убеждения, определяющие, как мы оцениваем реальные или вымышленные поступки (других людей, не свои собственные), считая одни из них уместными, желательными, хорошими, а другие – неуместными, нежелательными, плохими. Австралийский психолог Норман Фезар [38 : 222] добавляет еще несколько интересных аспектов:

Число ценностей, которыми располагают люди, значительно уступает количеству специфических отношений и убеждений, которые они выражают и одобряют. Не все ценности одинаково важны, они образуют иерархию по степени важности для конкретного человека, для группы людей и культуры в целом, при этом одни ценности важнее других. Ценности характеризуются стабильностью, но их относительная важность может меняться в зависимости от изменяющихся обстоятельств. Они не являются продуктом холодного рассудка, а связаны с аффективной системой. Люди испытывают счастье, когда важные для них ценности реализуются, и гнев, когда эти ценности не находят реализации.

А что же тогда можно сказать о культурных ценностях? В свете всего вышеизложенного им можно дать следующее определение: это ценности, широко распространенные в конкретной лингвокультуре и служащие основой для убеждений, взглядов, отношений, коммуникативных привычек характерных для данной лингвокультуры. Ценности не одинаково важны, отсюда и представление об их иерархии.

Их разделяют не все представители данной лингвокультуры, отсюда формулировки *широко распространенные* (прямая отсылка к культурным ценностям) и *характерные* (отсылка к тем понятиям, которые, возможно, базируются на культурных ценностях).

Понимая, что многие авторы учебников иностранных языков не слишком сильны в выявлении и обсуждении культурных ценностей, я разработал модель, первоначально получившую название *модель этнолингвистических направлений* [39]: она представляет собой ряд направлений, которые могут использоваться при обучении иностранному языку на продвинутом этапе. Они разработаны для решения двух задач: с одной стороны, помочь изучающим иностранный язык на продвинутом уровне использовать сформированные языковые умения и навыки для выявления культурных ценностей, обычно приписываемых носителям изучаемого языка; с другой стороны – объяснить им, что язык, который они изучают, содержит многочисленные подзадачи, позволяющие лучше понять данные культурные ценности. *Модель этнолингвистических направлений* в конце концов была переименована и сейчас известна как ПРИКЛАДНАЯ ЭТНОЛИНГВИСТИКА [40; 41].

Выделяются пять направлений, в основном проиллюстрированные материалом французского языка, которые позволяют постулировать гипотетические культурные ценности в зависимости от того, что является исходной точкой – культурно-значимое [41] слово или единица подобная слову (ЭТНОЛЕКСИКОЛОГИЯ), культурно-значимое выражение (ЭТНОФРАЗЕОЛОГИЯ), культурно-значимая синтаксическая конструкция (ЭТНОСИНТАКСИС), культурно-значимая фигура речи (ЭТНОРИТОРИКА) или культурно-значимое коммуникативное поведение (ЭТНОПРАГМАТИКА). Процедура выявления культурных ценностей основана на абдукции [41]: шестое направление, известное как ЭТНОАКСИОЛОГИЯ, призвано подкреплять первоначальную гипотезу, сформулированную на основе других направлений. Выбор именно данных наименований для направлений обусловлен тем, что два из них (ЭТНОПРАГМАТИКА и в меньшей степени ЭТНОСИНТАКСИС) уже использовались в исследовании с применением ЕСМ. Я всегда настаивал на таком подходе и полагался на него в собственных экспериментах в области ПРИКЛАДНОЙ ЭТНОЛИНГВИСТИКИ. Я просто придумал несколько

дополнительных наименований и снабдил их всех определениями. С течением времени они несколько видоизменились. Рассмотрим их современную интерпретацию⁸.

- ЭТНОЛЕКСИКОЛОГИЯ – изучение культурно-значимых лексических единиц (таких, как французское *langue de bois* [42]). Опирается на лингвистические и нелингвистические факты с целью выяснить, стоят ли за этими единицами уже известные или вновь обнаруженные культурные ценности. В том случае, если это происходит, известные культурные ценности уточняются, а существование вновь обнаруженных культурных ценностей должно в дальнейшем подтверждаться другими способами⁹.

- ЭТНОФРАЗЕОЛОГИЯ – изучение культурно-значимых оборотов и идиоматических выражений (таких, как французские *On va s'arranger* и *C'est pas ma faute*; см. [43; 44]). Опирается на лингвистические и нелингвистические факты с целью выяснить, стоят ли за этими оборотами и идиоматическими выражениями уже известные или вновь обнаруженные культурные ценности. В том случае, если это происходит, известные культурные ценности уточняются, а существование вновь обнаруженных культурных ценностей должно в дальнейшем подтверждаться другими способами.

- ЭТНОСИНТАКСИС – изучение культурно-значимых продуктивных синтаксических моделей (таких, как модель *Un X peut en cacher une autre* во французском языке; см. [45]). Опирается на лингвистические и нелингвистические факты с целью выяснить, стоят ли за этими моделями уже известные или вновь обнаруженные культурные ценности. В том случае, если это происходит, известные культурные ценности уточняются, а существование вновь обнаруженных культурных ценностей должно в дальнейшем подтверждаться другими способами.

- ЭТНОРИТОРИКА – изучение культурно-значимых метафор и других стилистических приемов (таких как метафора *café du commerce* во французском языке или метафора *tall poppy* в австралийском английском; см. [46; 47]). Опирается на лингвистические и нелингвистические факты с целью выяснить, стоят ли за этими приемами уже известные или вновь обнаруженные культурные ценности. В том случае, если это происходит, известные культурные ценности уточняются, а существование

⁸Первые пять определений практически повторяют друг друга. Разница заключается только в том, что берется за точку отсчета в каждом из направлений. Несомненно, можно было бы добиться большей вариативности в интерпретации, но в этом случае не было бы ясно, что подход в каждом из направлений в основе своей один и тот же.

⁹Вместо термина ЭТНОЛЕКСИКОЛОГИЯ в более ранних работах (см., например, [39]) использовался термин ЭТНОСЕМАНТИКА.

вновь обнаруженных культурных ценностей должно в дальнейшем подтверждаться другими способами.

• ЭТНОПРАГМАТИКА – изучение форм культурно-значимого коммуникативного поведения (таких как *la ralerie* во французском языке; см. [48]). Опирается на лингвистические и нелингвистические факты с целью выяснить, стоят ли за этими формами поведения уже известные или вновь обнаруженные культурные ценности. В том случае, если это происходит, известные культурные ценности уточняются, а существование вновь обнаруженных культурных ценностей должно в дальнейшем подтверждаться другими способами.

• ЭТНОАКСИОЛОГИЯ – направление, цель которого – подтверждение реальности гипотетических культурных ценностей; они рассматриваются как специфические признаки определенной лингвокультуры, с которой их обычно связывают (такие как *mefiance* и *la debrouille* во французском языке; см. [49; 50]). Доказательство строится на исследовании как лингвистических, так и нелингвистических фактов, которые могут подтвердить существование предполагаемой культурной ценности.

ЭТНОАКСИОЛОГИЧЕСКИЙ анализ часто предваряется анализом в рамках одного из других подходов, но может проводиться и самостоятельно, независимо от предыдущего исследования.

ЭТНОПРАГМАТИКА в том значении, которое здесь приводится, имеет более ограниченную область применения, чем в исследованиях, основанных на ЕСМ и проводимых вне рамок ПРИКЛАДНОЙ ЭТНОЛИНГВИСТИКИ. Список типов лингвистических фактов, релевантных для исследования в ЭТНОПРАГМАТИКЕ в более широком значении [51 : 14–16; 52 : 71], предполагает, что область, которую она охватывает, более или менее совпадает с тем, что изучает ПРИКЛАДНАЯ ЭТНОЛИНГВИСТИКА в целом. Точно так же ЭТНОСИНТАКСИС понимается здесь в более узком значении по сравнению с широким толкованием ЭТНОСИНТАКСИСА, представленным у Годдарда [53] и, вслед за ним, у Гладковой [54]. И Годдард, и Гладкова признают возможность более узкой трактовки ЭТНОСИНТАКСИСА, и именно этот подход принят в ПРИКЛАДНОЙ ЭТНОЛИНГВИСТИКЕ. Более того, по крайней мере в разработанной мной теории все направления по своей природе прикладные; то есть прикладные в рамках преподавания иностранного языка. Но они могут стать «прикладными» и в других аспектах, как показывают статьи в недавно изданном специальном выпуске

International Journal of Language and Culture [55], при условии, что это способствует лучшему пониманию взаимосвязи языка и культуры и раскрывает многообразные и сложные связи языка и культурных ценностей.

4. ЛИНГВОКУЛЬТУРА и культурные ценности

Как указывалось выше, по крайней мере в работах Шарифиана (включая те, что относятся к периоду до появления набора инструментов) случаи использования термина *культурная ценность* очень редки, в то время как термины (*культурная*) *концептуализация* (процесс) и (*культурные*) *концептуализации* (результаты этого процесса) встречаются несколько сотен раз. Один из случаев употребления связан с оценкой подхода, основанного на использовании ЕСМ:

Вежбицкая и ее коллеги разработали подход для исследования имплицитных основ речевых актов, известный как Естественный Семантический Метаязык (...). В рамках этого подхода культурные ценности и отношения, или то, что они называют «культурными сценариями», порождающими прагматические средства, эксплицируются в терминах основных значений, получивших название «семантические примитивы», которым приписывается универсальный характер. Этот подход привлекателен как для «релятивистов», так и для «универсалистов» [56 : 341 = 20: 113]¹⁰.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ, по крайней мере в работах Шарифиана, признает важность (культурных) ценностей, хотя и не явно. В некоторых работах это осуществляется за счет связи ценностей и культурных концептуализаций. Эта связь может быть очень неопределенной. Когда Бабай Шишаван и Шарифиан [28 : 810; 29 : 83] обращаются к «первому языку и культурным концептуализациям» и к «культурным ценностям и концептуализациям L1 (первого языка)» соответственно, они утверждают некоторое их сочетание или сосуществование, но оставляют нераскрытой природу этого явления. Шарифиан [27 : 191 = 24 : 121 = 20 : 6] утверждает, что культурные концептуализации «могут возникнуть даже в очень малых культурных группах, у участников которых одинаковый образ жизни и сходные когнитивные системы убеждений и ценностей», однако тоже не приводит достаточно релевантной информации. Недостаточно и обращения в [20 : 51; 58 : 101] к так называемым *диадным терминам*, «характерной черте некоторых языков аборигенов, которая отражает культурные ценности, связанные с семейными узами». Диадные термины, пишет автор, являются результатом

¹⁰Этот же фрагмент, до слов «приписывается универсальный характер», можно найти в [57 : 229–230].

особой концептуализации, при которой «минимальная единица в любой социальной сфере состоит, по крайней мере, из двух членов семьи» [20 : 51; 58 : 101]¹¹. В другом месте [27 : 198 = 20 : 12] указывается на то, что концептуализации аборигенов «*воплощают (embody) (...) мораль, закон и культурные ценности аборигенов*» (курсив наш. – Б. П.). Невнимательные читатели уверены, что все поняли. Но так ли это? Каково точное значение английского глагола *embody*? Связан ли он с *embodiment* 'воплощение', одним из тех модных понятий, которые КОГНИТИВНЫЕ ЛИНГВИСТЫ заимствовали из других дисциплин, включая психологию, философию и когнитивистику, а затем адаптировали под свои нужды? Поскольку когнитивная лингвистика и лингвокультурология имеют много общего и связь между ними открыто признается (см. выше), отсылка к *embodiment* 'воплощение' в лингвокультурологии не должна быть сюрпризом. Кроме того, значит ли здесь глагол *embody* то, что значит или может значить в разговорном языке? Означает ли он что-то типа "to represent in a clear and obvious way" 'представлять в ясном и очевидном виде', "to represent in visible form" 'представлять в видимой форме', "to give form to" 'придавать форму чему-либо' или "to be a symbol or example of" 'быть символом или примером чего-то'¹²? Реализоваться может любое из перечисленных значений. Возможно, наиболее понятно это изложено в [32 : 34; 33 : 91], где указывается, что концептуализации, появившиеся у культурных групп буквально для каждого аспекта мысли и поведения, «обычно связаны с убеждениями, нормами, обычаями, традициями и ценностями». Здесь дается недвусмысленное указание на то, что специальный термин *conceptualization* предназначен для «прикрытия» ряда широко используемых, но, в сущности, не являющихся специальными терминами обозначений, одно из которых – *ценность*.

Как мы уже увидели, термин *концептуализация* является общим термином и для ряда других специальных терминов, используемых в ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ. *Культурные категории, метафоры, схемы и модели* являются формами культурной концептуализации. Какие из них ближе к пониманию *культурных ценностей* в ПРИКЛАДНОЙ ЭТНОЛИНГВИСТИКЕ? Представляется, что первый кандидат – *культурная схема*. Связь между культурными ценностями и культурными

схемами осуществляется разными способами, от неясных до вполне понятных. Чтобы показать, «как межкультурная коммуникация может выявить определенные культурные нормы и ценности», Шарифиан [24 : 119 = 20 : 101] намеревается пользоваться понятием «*культурная схема*». Процитированный фрагмент взят из первого предложения, и это все, что говорит автор в начале текста. Описывая персидскую культурную схему *shekasteh-nafsi* (*shekasteh-nafsi*) 'смирение, покорность' «как хороший пример зарождающейся концептуализации, когда система ценностей, изначально являющаяся частью духовной традиции, проникает в литературные произведения речевой общности, а затем в культурное знание группы», Шарифиан [25 : 174] постулирует сочетание или сосуществование культурной схемы и «системы ценностей», во многом так же, как и в одном из вышепротитированных фрагментов о связи ценностей с концептуализациями, но опять не раскрывает природу такого сочетания или сосуществования. С другой стороны, глагол *embody* 'воплощать, изображать, олицетворять' используется в нескольких случаях в сочетании "*schemas embodying (cultural) norms and values*" 'схемы, *воплощающие* (культурные) нормы и ценности' [24 : 121; 30 : 183 = 20 : 48; 31 : 252 = 20 : 27]. Как и прежде, возникает вопрос о том, что же точно означает глагол *embody* в этом контексте. Используются и некоторые другие глаголы, включая (в алфавитном порядке) *capture* 'захватывать, фиксировать, записывать, запечатлевать, увлечь, поймать, охватить, перехватить', *define* 'определять, характеризовать, давать определение, устанавливать, ограничивать, задать, сформулировать, обозначать, очерчивать', *embrace* 'обнимать, охватывать, включать, принимать' и *(be) relate(d) to* 'быть связанным с / относиться, иметь отношение, рассказывать, соотносить, затрагивать, связывать'. Шарифиан [25 : 173] указывает на то, что вышеупомянутая культурная схема *shekasteh-nafsi* *фиксирует (captures)* одну из ключевых ценностей современного Ирана: в более общем смысле [18 : 6], *схемы фиксируют (capture)* «совокупности правил, ценностей и традиций». Шарифиан [24 : 125 = 20 : 106] разграничивает *схемы* нижнего уровня и верхнего уровня; он упоминает *схемы* верхнего уровня, которые «*определяют*

¹¹ Так, в языке кайтетье (Kaitete) (Центральная Австралия) суффикс *-nhenge* используется с терминами родства: этот суффикс обозначает ребенка, если присоединяется к слову со значением «отец», и младшего брата или сестру, если присоединяется к слову со значением «старшая сестра» и т.д.

¹² Английские значения приводятся по словарю Merriam-Webster's online dictionary (<http://www.merriam-webster.com/dictionary/embody>).

(define) ключевую ценность, связанную с социальными отношениями»¹³. По Шарифиану [24 : 121], культурные схемы «могут *охватывать* (*embrace*) любой тип знания, включая ключевые убеждения, ценности и нормы группы». В этом же тексте, на той же странице есть ссылка на «схемы, *связанные* (*related to*) с нормами морали, законом и культурными ценностями абorigенов».

5. ПРИКЛАДНАЯ ЭТНОЛИНГВИСТИКА И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ?

Прямое следствие из вышеуказанных выводов заключается в следующем: хотя в ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ термин *культурная ценность* не играет той главной роли, как в ПРИКЛАДНОЙ ЭТНОЛИНГВИСТИКЕ или в теории ЕСМ, детальное изучение культурно-специфических концептуализаций в целом и культурно-специфических схем в частности может привести к более детальному пониманию культурных ценностей, которые сохраняются в различных лингвокультурах или языковых культурах мира. Язык играет важную роль в изучении этих культурных схем, как и можно было ожидать, – мы, в конце концов, среди лингвистов-лингвокультурологов. Нигде это не сформулировано так ясно, как в следующем фрагменте из [24 : 121], который, к моему глубокому сожалению, был вырезан при написании [20]:

Тип знания, который может находить выражение в культурных схемах, – культурное знание, включающее культурные нормы и ценности, которые могут находить отражение в языке. Различные уровни и единицы языка, такие как речевые акты, идиомы, метафоры, дискурсивные маркеры и т.д., могут каким-то образом реализовывать различные стороны таких культурных схем.

В ПРИКЛАДНОЙ ЭТНОЛИНГВИСТИКЕ речевые акты изучались бы в ЭТНОПРАГМАТИКЕ, идиомы в ЭТНОФРАЗЕОЛОГИИ, метафоры в ЭТНОРИТОРИКЕ. Для дискурсивных маркеров, важной части большинства, если не всех языков, я не нашел еще четкой ниши, и здесь, к сожалению, гордиться мне нечем. Спешу добавить, однако, в свою защиту, что эта теория все еще разрабатывается и требует много работы. Статья [55] включает исследование дискурсивной частицы *lige* в датском языке [59], которое описано как «упражнение в этнопрагматике, причем и в узком, и в широком значении термина» [55 : 139]. *Широкое* понимание термина отсылает нас к подходу

Годдарда, а *более узкое* – к моему собственному подходу. Теперь мне интересно, нельзя ли отнести *lige* как дискурсивный маркер к числу культурно-значимых лексических единиц, что сделало бы возможным его изучение в ЭТНОЛЕКСИКОЛОГИИ, а не ЭТНОПРАГМАТИКЕ.

Каковы же следствия этой попытки совместить ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЮ с ПРИКЛАДНОЙ ЭТНОЛИНГВИСТИКОЙ? Как указывалось в начале раздела 3, ПРИКЛАДНАЯ ЭТНОЛИНГВИСТИКА развивалась вне связи с ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЕЙ или лингвокультурологией. Если бы мне пришлось искать для нее пристанище, какая из двух стала бы им? Как мне сейчас думается, в дальнейшем не существует никакой перспективы слияния ПРИКЛАДНОЙ ЭТНОЛИНГВИСТИКИ и ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ, независимо от того, чью позицию – Палмера или Шарифиана – мы примем относительно последней. Главным препятствием представляется ЕСМ, который является одним из краеугольных камней ПРИКЛАДНОЙ ЭТНОЛИНГВИСТИКИ.

Инструмент описания или естественный семантический метаязык, давший название теории ЕСМ, является результатом эмпирически подтвержденных исследований, проводившихся в течение нескольких десятилетий расширенной группой лингвистов с опытом изучения большого числа языков, отличающихся как географическим, так и типологическим разнообразием¹⁴. В основе подхода – понятие *редуктивного парафраза*. Чтобы понять, в чем его суть, мы должны вспомнить одно очевидное базовое допущение, на что – к нашему удивлению – у многих других теорий мало или совсем нет времени. Оно заключается в следующем: существует только один возможный путь для успешного объяснения чего-то семантически сложного и / или культурно-специфического: все сложности и особенности должны быть удалены.

Это можно сделать только с помощью парафраза, который проще для понимания, чем первоначальный текст (оригинал), то есть с помощью так называемого *редуктивного парафраза*. На сайте ЕСМ дается следующее объяснение (см. примечание 14):

Редуктивный парафраз позволяет нам не запутаться в циклических и туманных дефинициях, избежать проблем, с которыми сталкиваются традиционные словари и различные подходы в лингвистической семантике. Экспликация упрощенного парафраза исключает специальные термины, неологизмы, логические символы и аббревиатуры и предполагает

¹³В более раннем из двух текстов термин *value of culture* (ценность культуры) используется вместо *cultural value* (культурная ценность). См. также примечание 7.

¹⁴Самое общее описание можно найти в [60]. Сотни других библиографических наименований с исследованиями на материале из разных языков и культур доступны на сайте ЕСМ (<https://cms-uat.ite.griffith.edu.au/humanities-languages/school-languages-linguistics/research/natural-semantic-metalanguage-homepage>).

использование только простых слов обычного естественного языка.

Я вернусь к термину *экспликация* чуть позже. Есть то, о чем следует сказать в первую очередь: не все можно упростить до редуцированного парафраза. Некоторые значения предельно просты и не могут больше упрощаться. Главный принцип применения ЕСМ заключается в следующем: несмотря на огромные различия, все естественные языки имеют общий набор максимально простых значений. Исследователи ЕСМ в результате кропотливой работы, методом проб и ошибок смогли установить этот общий список несокращаемых базовых единиц. Этот процесс, который продолжается уже почти полвека, привел к появлению инвентаря из 65 концептуальных строительных блоков, называемых *семантическими примитивами* (или, для краткости, *примитивами*). Вьетнамский язык был одним из последних, на которых проводилось тщательное тестирование списка примитивов.

Считается, что редуцированные парафразы состоят из примитивов (и иногда молекул): не просто цепочек примитивов, но примитивов, объединенных в универсально понятные сегменты, в соответствии с универсальными комбинаторными свойствами¹⁵. Каждый примитив характеризуется определенным набором комбинаторных свойств, собственной строго контролируемой грамматикой, копируемой – как и сами примитивы – во все языки мира. Это придает дополнительную убедительность утверждению, что ЕСМ соответствует своему названию и действительно является интуитивно понятным мини-языком, в отличие от других семантических метаязыков, которые ни интуитивно, ни семантически не являются простыми. Более того, в отличие от всех этих других семантических метаязыков, ЕСМ имеет столько же изоморфных вариантов, сколько в мире существует естественных языков. И это благодаря тому, что при отсутствии убедительных доказательств обратного все его составляющие (примитивы и грамматика) считаются универсальными. Хотя по вполне понятным причинам английский вариант находится в более привилегированном положении, все другие варианты показывают себя одинаково хорошо в *экспликациях* лингвокультурных особенностей речи, поведения, мышления и выражения чувств. *Экспликация* – термин, используемый в теории ЕСМ для обозначения такой последовательности редуцированных парафраз, которые в совокупности

эксплицируют семантически сложные и культурно обусловленные значения максимально прозрачно и независимо от особенностей культуры. Поскольку экспликации изложены на независимом от культуры метаязыке и без труда могут быть переведены с одного варианта метаязыка на другой без потери или искажения смысла, они универсально понятны. Что, в свою очередь, помогает в межкультурном сопоставлении и позволяет избежать опасностей англоцентризма, которому невольно уступили многие области лингвистики (и других научных дисциплин).

Экспликации ЕСМ также позволяют наглядно изучать, сопоставлять и объяснять культурные нормы и ценности, лежащие в основе лексического состава языка. Экспликации норм и ценностей называются культурными сценариями. Говорить о «культурных ценностях и отношениях или о том, что [в теории ЕСМ] называют «культурными сценариями»», как это делает Шарифиан [56 : 341 = 20 : 113] в своей оценке ЕСМ, которая упоминалась выше, представляется не вполне точным. В энциклопедии в статье о культурных сценариях на материале русского языка Вежбицкая [61 : 94] обращается к «таким ценностям, как *искренность* (*iskrennost*)» (где *искренность* культурно-значимое слово, примерно соответствующее «*sincerity* ‘искренность, честность’ / *frankness* ‘откровенность, искренность, прямота, непосредственность’ / *spontaneity* ‘спонтанность, непосредственность’» в английском языке), а в статье о культурных сценариях и межкультурной коммуникации она приводит «русский культурный сценарий “искренности”» [62 : 66] – но это не означает, что культурные ценности и культурные сценарии одно и то же. Скорее, культурные сценарии *эксплицируют* культурные ценности (или *являются экспликациями* культурных ценностей), используя ЕСМ. Другими словами, сценарии делают ценности – которые часто остаются глубоко укорененными в человеческом сознании – *доступными* как для представителей данной культуры, так и для представителей иных культур.

К сожалению, высказывания Палмера о видимой полезности естественного семантического языка не предвещают успешного использования в ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ культурных сценариев – или любых других форм семантической экспликации с использованием

¹⁵Семантические молекулы функционируют как интегральные единицы или понятийные комплексы (*chunks*) и могут использоваться наряду с семантическими примитивами для экспликации концептов значительной семантической сложности. Они должны быть объяснены отдельно, а не восприниматься как нечто само собой разумеющееся.

семантических примитивов. Следующий фрагмент можно найти в [63 : 67–68 = 64 : 16] и в [23 : 22]¹⁶.

Понятие сценария особенно важно в лингвокультурологии, потому что этот термин привлекает внимание к образам социальной деятельности и дискурса, которые в значительной степени игнорировались когнитивной лингвистикой, особенно в том, что касалось изучения неиндоевропейских языков. (...) Предлагаемый здесь подход напоминает подход Анны Вежбицкой в том, что ее культурные сценарии (*cultural scripts*) что-то вроде сценариев в нашем понимании (*scenarios*) (...). Однако, в отличие от Вежбицкой, я не сокращаю сценарии до высказываний, состоящих из небольшого набора семантических примитивов [упорядоченных в соответствии с правилами некоторого семантического метаязыка]¹⁷.

Акцент на сценариях как на культурно значимых образах в лингвокультурологии напоминает во многом значимость сценариев-скриптов у Анны Вежбицкой, с той лишь разницей, что с точки зрения культурной лингвистики нет необходимости описывать сценарии семантическим метаязыком, состоящим из небольшого перечня универсальных понятий.

В последней работе позиция Палмера в отношении «веских причин для такой практики [у Вежбицкой], когда толкования делаются более понятными как для носителей языка, так и для исследователей», уже не кажется такой непримиримой, как прежде, но очевидно, что, независимо от того, насколько «веские» причины у Вежбицкой, Палмер не собирается менять свою точку зрения¹⁸. Тщательно сформулированное утверждение Шарифиана [56 : 341 = 20 : 113] о том, что теория ЕСМ «привлекательна как для ‘релятивистов’, так и для ‘универсалистов’», также довольно категорично. Кажется, что он говорит: «Да, что-то в этом есть, но не думаю, что поспешу этим воспользоваться...» Очень жаль. Никогда ПРИКЛАДНАЯ ЭТНОЛИНГВИСТИКА не отречется от ЕСМ. Никогда ПРИКЛАДНАЯ ЭТНОЛИНГВИСТИКА не собирается отказываться и от термина *культурная ценность*. Не вижу ничего плохого в том, чтобы слова общего

языка использовались в качестве альтернативы научным терминам, поскольку попытки выработать приемлемые толкования являются разумными в том случае, если обыденные названия неверно истолкованы и, следовательно, могут привести к путанице. Мне бы хотелось думать, что теория, использующая повседневную лексику в качестве краеугольных камней в научных изысканиях, могла бы стать привлекательнее той, что построенная исключительно на строгом научном языке. Всеобщее признание – это то, в чем нуждается ПРИКЛАДНАЯ ЭТНОЛИНГВИСТИКА, возможно, гораздо больше, чем ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ, поскольку она была задумана для использования на занятиях по иностранному языку на продвинутом этапе (но вовсе не ограничивается этим). Безусловно, названия шести направлений, которые были постулированы в рамках ПРИКЛАДНОЙ ЭТНОЛИНГВИСТИКИ, – не просто слова общего языка. Такие обозначения, как ЭТНОЛЕКСИКОЛОГИЯ, ЭТНОФРАЗЕОЛОГИЯ, ЭТНОСИТАКСИС, ЭТНОРИТОРИКА, ЭТНОПРАГМАТИКА и ЭТНОАКСИОЛОГИЯ, не слишком просты: одни из них так и просятся с языка, а другие нет. Вместе с тем, я считаю, что они не являются краеугольными камнями ПРИКЛАДНОЙ ЭТНОЛИНГВИСТИКИ. Скорее они удобны для обозначения соответствующих направлений и в них нет необходимости при обучении иностранному языку на продвинутом этапе. Без термина *культурная ценность*, наоборот, невозможно обойтись, и он понятен студентам, поскольку они знакомы с ним из СМИ.

Сможет ли термин *культурная ценность* получить более широкое распространение благодаря ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ? Время покажет. Совершенно точно, что это не произошло в результате обсуждения ситуаций Малколмом [66 : 53], в которых «естественные явления языковой и культурной природы вступают в конфликт с придуманным человеком неравенством, которое позволяет одной культурной группе сократить шансы

¹⁶Термин *сценарий* (*scenario*), который постоянно всплывает в этих отрывках, – заимствование из когнитивистики, в которой он используется с 1980-х гг. Сценарии фиксируют последовательность событий. Палмер называет сценарии одним из видов образности, но так же, как *образность* (*imagery*), термин *сценарий* (*scenario*) не превратился в инструментальный Шарифиана. Для Шарифиана сценарии – культурные схемы особого рода; отдельный инструмент для этого не нужен.

¹⁷Фрагмент в квадратных скобках появляется только в версии 2006 года.

¹⁸Возможно, суждение Палмера может быть связано с неверным истолкованием некоторых фундаментальных положений теории ЕСМ. Например, во вступительной статье к специальному выпуску журнала «Когнитивная лингвистика» (*Cognitive Linguistics*) о лингвокультурных особенностях мышления он указывает, что «остается неясным, является ли THINK (“думать”) в нашем представлении в английском языке действительно семантической универсалией, как утверждает Анна Вежбицкая» [65 : 98]. Но Вежбицкая говорит совсем о другом. Семантическая универсалия не THINK в нашем представлении, но THINK на естественном семантическом метаязыке, когда приводится лишь одно из значений глагола *think* в английском языке, значение, из которого не выводятся более простые значения и которое, как подтверждает эмпирическое исследование, проводимое в течение нескольких десятилетий, так или иначе может быть выражено лексически во всех языках мира.

на жизнь другой культурной группе, сделав лишь один вариант языка единственным способом получить образование и доступ к другим жизненным возможностям». Он продолжает: «конструктивный подход» к таким ситуациям требует «такого метода исследования, который сможет одновременно выявить как языковые различия, так и конкурирующие культурные ценности» (курсив наш. – Б. П.), и утверждает, что «именно лингвокультурология может внести уникальный вклад в решение этого вопроса» [66 : 54]. У меня нет никаких сомнений в том, что «лингвокультурология» Малколма была ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЕЙ, поскольку текст своей статьи Малколм сначала представил на семинаре по ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ, организованном Фарзадом Шарифианом и Гэри Палмером, в рамках 8-й Международной конференции по Когнитивной Лингвистике, Логроно, Испания, 2003 г. Как у меня нет никаких сомнений и в том, что ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ уже внесла уникальный и, будем надеяться, долговременный вклад, но не столько в аспекте культурных ценностей, сколько в аспекте культурных категорий, метафор, схем и моделей, то есть культурных концептуализаций.

[66] – одна из восьми глав в книге, озаглавленной «Прикладная лингвокультурология» (*Applied Cultural Linguistics*), редакторы которой – организаторы семинара в Логроно. Скорее всего, вклад Палмера в лингвокультурологию, то есть ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЮ, стал широко известен не ранее 2007 года, благодаря Шарифиану. Однако, как оказалось, только шесть из восьми глав книги были первоначально представлены на семинаре. Авторами одной из позднее написанных глав стали Клиф Годдард и Анна Вежбицкая, которые были приглашены на последующем этапе стать соавторами книги (Фарзад Шарифиан, личная беседа, 18 декабря 2015 года). Хотя они используют термин (культурная) ценность чаще, чем другие авторы вместе взятые, их глава также не внесла терминологического вклада в теорию ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ. Одной из причин могло стать неизменное присутствие у Годдарда и Вежбицкой [67] крупных фрагментов ЕСМ. Другой причиной могло послужить практическое отсутствие термина *лингвокультурология*: он использовался лишь единожды, в самом конце статьи, и его предворяло прилагательное *прикладная*; кроме того, ни одна из работ в библиографическом списке не содержала указания на исследование, которое проводилось бы под флагом ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ. Возникает вопрос: Шарифиан и Палмер [68]

писали о ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ (в соответствии с семинаром в Логроно) или о прикладной лингвокультурологии?..

6. ПРИКЛАДНАЯ ЭТНОЛИНГВИСТИКА и лингвокультурология

Хотелось бы закончить на высокой ноте. Даже если ПРИКЛАДНАЯ ЭТНОЛИНГВИСТИКА никогда не объединится с ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЕЙ, я искренне надеюсь, что они смогут чему-то научиться друг от друга и вступят во взаимовыгодный диалог, способствуя тем самым «развитию межкультурного взаимопонимания и толерантности» [13 : 296]. «Благородное дело, достойное, стоящее», отмечает Глэз [12] в своих комментариях по этому поводу. Я не могу не согласиться. Я думаю, что и ПРИКЛАДНАЯ ЭТНОЛИНГВИСТИКА, и ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ обеспечивают формирование специальных методов для изучения языка и культуры. Обе являются направлениями лингвистики, которые признают, что язык есть нечто гораздо большее, чем предмет познания. Обе занимают законное место в рамках более широкой сферы – лингвокультурологии – как и другие теории, включая КОГНИТИВНУЮ ЭТНОЛИНГВИСТИКУ Бартминского, которая, как он надеется, внесет свой вклад в «мирное сосуществование наций» [34 : 211].

REFERENCES

1. Peeters, B. (2001). Does Cognitive Linguistics live up to its name? In R. Dirven, B. Hawkins, & E. Sandikcioglu (Eds.), *Language and ideology*, vol. 1: *Theoretical cognitive approaches* (pp. 83–106). Amsterdam: John Benjamins.
2. Taylor, J. R. (1993). Some pedagogical implications of cognitive linguistics. In R. A. Geiger & B. Rudzka-Ostyn (Eds.), *Conceptualizations and mental processing in language* (pp. 201–223). Berlin: Mouton de Gruyter.
3. Peeters, B. (1998). Cognitive musings [Review article of R. A. Geiger & B. Rudzka-Ostyn (Eds.). (1993). *Conceptualizations and mental processing in language*. Berlin: Mouton de Gruyter]. *Word*, 49, 225–237.
4. Taylor, J. R. (2008). Some pedagogical implications of cognitive linguistics. In S. De Knop & T. De Rycker (Eds.), *Cognitive approaches to pedagogical grammar: A volume in honour of René Dirven* (pp. 37–65). Berlin: Mouton de Gruyter.
5. Fortis, J.-M. (2012). Introduction [to a special issue titled *La linguistique cognitive: Histoire et épistémologie*]. *Histoire Épistémologie Langage*, 34, 5–17.
6. Taylor, J. R. (2002). *Cognitive grammar*. Oxford: Oxford University Press.
7. Geeraerts, D. (2006). *Cognitive Linguistics: Basic readings*. Berlin: Mouton de Gruyter.
8. Geeraerts, D., & Cuyckens, H. (Eds.). (2007). *The Oxford handbook of Cognitive Linguistics*. Oxford: Oxford University Press.

9. Littlemore, J., & Taylor, J. R. (Eds.). (2014). *The Bloomsbury companion to Cognitive Linguistics*. London: Bloomsbury.
10. Langacker, R. W. (1994). Culture, cognition, and grammar. In M. Pütz (Ed.), *Language contact and language conflict* (pp. 25–53). Amsterdam: John Benjamins.
11. Anusiewicz, J. (1995). *Lingwistyka kulturowa*. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego.
12. Gład, A. (Forthcoming). Promoting dialogue: Two traditions in language and culture research. In J. Ziobro-Strzypek & W. Chłopicki (Eds.), *Across borders: The West looks East*. Krosno: PWSZ.
13. Palmer, G. B. (1996). *Toward a theory of Cultural Linguistics*. Austin: University of Texas Press.
14. Janda, L. A. (2008). From Cognitive Linguistics to Cultural Linguistics. *Slovo a Smysl*, 8, 48–68. Retrieved from <http://slovoasmysl.ff.cuni.cz/node/222>
15. Janda, L. A. (2009). Quantitative methods for cultural linguistics. In *Ročenka Textů Zahraničních Profesorů / The Annual of Texts by Foreign Guest Professors*, 3, 203–215. Prague: Charles University.
16. Sharifian, F. (2015). Cultural Linguistics. In F. Sharifian (Ed.), *The Routledge handbook of language and culture* (pp. 473–492). New York: Routledge.
17. Sharifian, F. (2014). Advances in Cultural Linguistics. In M. Yamaguchi, D. Tay, & B. Blount (Eds.), *Approaches to language, culture and cognition: The intersection of cognitive linguistics and linguistic anthropology* (pp. 99–123). London: Palgrave MacMillan.
18. Sharifian, F. (2015). Cultural Linguistics and World Englishes. *World Englishes*, 34(4), 515–532. doi:10.1111/weng.12156
19. Sharifian, F. (2011). *Cultural linguistics: Inaugural professorial lecture*. Melbourne: Monash University.
20. Sharifian, F. (2011). *Cultural conceptualizations and language: Theoretical framework and applications*. Amsterdam: John Benjamins.
21. Bagasheva, A. (2012). Review of Sharifian (2011b). *Language and Cognition*, 4, 243–249.
22. Athanasiadou, A. (2013). Review of Sharifian (2011b). *Cognitive Linguistics*, 24, 579–588.
23. Palmer, G. B. (2015). Ethnography: A neglected method of inductive linguistics. *Etnolingwistyka*, 27, 21–45. doi:10.17951/et.2015.27.21
24. Sharifian, F. (2004). Cultural schemas and intercultural communication: A study of Persian. In J. Leigh & E. Loo (Eds.), *Outer limits: A reader in communication across cultures* (pp. 119–130). Melbourne: Language Australia.
25. Sharifian, F. (2009). On collective cognition and language. In H. Pishwa (Ed.), *Language and social cognition: Expression of the social mind* (pp. 163–180). Berlin: Mouton de Gruyter.
26. Sharifian, F., & Jamarani, M. (2013). Cultural conceptualisations and translating political discourse. In A. Rojo & I. Ibarretxe-Antuñano (Eds.), *Cognitive Linguistics and translation: Advances in some theoretical models and applications* (pp. 339–371). Berlin: de Gruyter Mouton.
27. Sharifian, F. (2003). On cultural conceptualisations. *Journal of Cognition and Culture*, 3(3), 187–207.
28. Babai Shishavan, H., & Sharifian, F. (2013). Refusal strategies in L1 and L2: A study of Persian-speaking learners of English. *Multilingua*, 32, 801–836.
29. Babai Shishavan, H., & Sharifian, F. (2016). The refusal speech act in a cross-cultural perspective: A study of Iranian English-language learners and Anglo-Australian speakers. *Language & Communication*, 47, 75–88.
30. Sharifian, F. (2007). Aboriginal language habitat and cultural continuity. In G. Leitner & I. G. Malcolm (Eds.), *The habitat of Australia's aboriginal languages: Past, present, and future* (pp. 181–196). Berlin: Mouton de Gruyter.
31. Sharifian, F. (2008). Distributed, emergent cultural cognition, conceptualisation, and language. In R. M. Frank, R. Dirven, T. Ziemke, & E. Bernárdez (Eds.), *Body, language, and mind*, vol. 2: *Sociocultural situatedness* (pp. 109–136). Berlin: Mouton de Gruyter.
32. Sharifian, F. (2007). L1 cultural conceptualisations in L2 learning: The case of Persian-speaking learners of English. In F. Sharifian & G. B. Palmer (Eds.), *Applied cultural linguistics* (pp. 33–51). Amsterdam: John Benjamins.
33. Sharifian, F. (2013). Cultural conceptualisations in learning English as an L2: Examples from Persian-speaking learners. *Iranian Journal of Language Teaching Research*, 1, 90–116.
34. Bartmiński, J. (2009). *Aspects of cognitive ethnolinguistics*. London: Equinox.
35. Béal, C. (1993). Les stratégies conversationnelles en français et en anglais: Conventions ou reflet de divergences culturelles profondes? *Langue Française*, 98, 79–106.
36. Wierzbicka, A. (2003). *Cross-cultural pragmatics: The semantics of human interaction* (2nd ed.). Berlin: Mouton de Gruyter.
37. Stoetzel, J. (1983). *Les valeurs du temps présent: Une enquête européenne*. Paris: Presses universitaires de France.
38. Feather, N. T. (1996). Values, deservingness, and attitudes toward high achievers: Research in tall poppies. In C. Seligman, J. M. Olson, & M. P. Zanna (Eds.), *The psychology of values: The Ontario Symposium*, vol. 8 (pp. 215–251). Mahwah: Lawrence Erlbaum.
39. Peeters, B. (2009). Language and cultural values: The ethnolinguistic pathways model. *Fulgor*, 4(1), 59–73. Retrieved from <http://ehlt.flinders.edu.au/deptlang/fulgor/>
40. Peeters, B. (2013). Language and cultural values: Towards an applied ethnolinguistics for the foreign language classroom. In B. Peeters, K. Mullan, & C. Béal (Eds.), *Cross-culturally speaking, speaking cross-culturally* (pp. 231–259). Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing.
41. Peeters, B. (2015). Language, culture and values: Towards an ethnolinguistics based on abduction and salience. *Etnolingwistyka*, 27, 47–62. doi:10.17951/et.2015.27.47
42. Peeters, B. (2013). La langue de bois: Un pèlerinage ethnolinguistique. In P. Marillaud & R. Gauthier (Eds.), *La mauvaise parole: 33e Colloque d'Albi Langages et Signification* (pp. 196–210). Albi/Toulouse: CALS/CPST.
43. Peeters, B. (2014). *On va s'arranger / On s'arrangera: Étude ethnolinguistique de deux actes (généralement) rassurants*. *Scolia*, 28, 129–149.
44. Peeters, B. (2014). “C'est pas ma faute”: Analyse ethnolinguistique. In A.-M. Cozma, A. Bellachhab, & M. Pescheux (Eds.), *Du sens à la signification. De la signification aux sens: Mélanges offerts à Olga Galatanu* (pp. 313–328). Bruxelles: Peter Lang.
45. Peeters, B. (2010). “Un X peut en cacher un autre”: Étude ethnosyntaxique. In F. Neveu, V. Muni Toke, T. Klingler, J. Durand, L. Mondada, & S. Prévost (Eds.), *CMLF 2010–2ème Congrès mondial de linguistique française* (pp. 1753–1775). Paris: EDP Sciences. doi: 10.1051/cmlf/2010056

46. Peeters, B. (2015). Bienvenue au café du Commerce: propos ethnorhétoriques. *Publif@rum*, 23. Retrieved from http://www.publiforum.farum.it/ezone_articles.php?art_id=315
47. Peeters, B. (2015). Tall poppies in the land down under: An applied ethnolinguistic approach. *International Journal of Language and Culture*, 2, 219–243.
48. Peeters, B. (2013c). Râler, râleur, râlite: Discours, langue et valeurs culturelles. In C. Claudel, P. von Münchow, M. Pordeus Ribeiro, F. Pugnière-Saavedra, & G. Tréguer-Felten (Eds.), *Cultures, discours, langues: Nouveaux abordages* (pp. 117–141). Limoges: Lambert-Lucas.
49. Peeters, B. (2013). Ah méfiance, quand tu tiens la France... *Cahiers de Praxématique*, 60–61. Retrieved from <http://praxematique.revues.org/3872>
50. Peeters, B. (2015). La France de la débrouille: Étude ethnoaxiologique d'une valeur culturelle hypothétique. *Revue de Sémantique et Pragmatique*, 37, 103–122.
51. Goddard, C. (2006). *Ethnopragsmatics: Understanding discourse in cultural context*. Berlin: Mouton de Gruyter.
52. Goddard, C., & Ye, Z. (2015). Ethnopragsmatics. In F. Sharifian (Ed.), *The Routledge handbook of language and culture* (pp. 66–83). New York: Routledge.
53. Goddard, C. (2002). Ethnosyntax, ethnopragsmatics, sign-functions, and culture. In N. J. Enfield (Ed.), *Ethnosyntax: Explorations in grammar and culture* (pp. 52–73). Oxford: Oxford University Press.
54. Gladkova, A. (2015). Ethnosyntax. In F. Sharifian (Ed.), *The Routledge handbook of language and culture* (pp. 33–50). New York: Routledge.
55. Peeters, B. (Ed.). (2015). *Language and cultural values: Adventures in applied ethnolinguistics* [*International Journal of Language and Culture*, 2(2)]. Amsterdam: John Benjamins.
56. Sharifian, F. (2005). The Persian cultural schema of *shekasteh-nafsi*: A study of complement responses in Persian and Anglo-Australian speakers. *Pragmatics & Cognition*, 13, 337–361.
57. Sharifian, F., & Jamarani, M. (2011). Cultural schemas in intercultural communication: A study of the Persian cultural schema of *sharmandegi* 'being ashamed'. *Intercultural Pragmatics*, 8, 227–251.
58. Sharifian, F. (2012). Linguistic theory and cultural conceptualisations. *Journal of Language, Culture, and Translation*, 1(3), 93–110.
59. Levisen, C., & Waters, S. (2015). *Lige*, a Danish 'magic word'? An ethnopragsmatic analysis. *International Journal of Language and Culture*, 2, 244–268.
60. Goddard, C. (2011). *Semantic analysis: A practical introduction* (2nd ed.). Oxford: Oxford University Press.
61. Wierzbicka, A. (2010). Cultural scripts. In L. Cummings (Ed.), *The pragmatics encyclopedia* (pp. 92–95). London: Routledge.
62. Wierzbicka, A. (2010). Cultural scripts and intercultural communication. In A. Trosborg (Ed.), *Pragmatics across languages and cultures* (pp. 43–78). Berlin: Mouton de Gruyter.
63. Palmer, G. B. (2003). Cultural Linguistics and Shona noun classifiers. *AlterNation*, 10, 63–86.
64. Palmer, G. B. (2006). When does Cognitive Linguistics become cultural? Case studies in Tagalog voice and Shona noun classifiers. In J. Luchjenbroers (Ed.), *Cognitive Linguistics investigations: Across languages, fields and philosophical boundaries* (pp. 13–45). Amsterdam: John Benjamins.
65. Palmer, G. B. (2003). Introduction [to a special issue on thinking across languages and cultures]. *Cognitive Linguistics*, 14(2/3), 97–108.
66. Malcolm, I. G. (2007). Cultural Linguistics and bidialectal education. In F. Sharifian & G. B. Palmer (Eds.), *Applied cultural linguistics* (pp. 53–63). Amsterdam: John Benjamins.
67. Goddard, C., & Wierzbicka, A. (2007). Semantic primes and cultural scripts in language learning and intercultural communication. In F. Sharifian & G. B. Palmer (Eds.), *Applied cultural linguistics* (pp. 105–124). Amsterdam: John Benjamins.
68. Sharifian, F., & Palmer, G. B. (Eds.). (2007). *Applied cultural linguistics*. Amsterdam: John Benjamins.

Статья поступила в редакцию 22.02.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Путерс Берт. ПРИКЛАДНАЯ ЭТНОЛИНГВИСТИКА – это лингвокультурология, но ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ ли? // Жанры речи. 2017. № 1 (15). С. 37–50. DOI: 10.18500/2311-0740-2017-1-15-37-50

For citation

Peeters Bert. APPLIED ETHNOLINGUISTICS Is Cultural Linguistics, but Is it CULTURAL LINGUISTICS? *Speech Genres*, 2017, no. 1 (15), pp. 37–50. DOI: 10.18500/2311-0740-2017-1-15-37-50 (in Russian).